

УДК 109.318.11

Д.Н. Козырев

«ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ» В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

D.N. Kozyrev

"PHILOSOPHY OF TECHNICS" IN SYSTEM OF THE HIGHER TECHNICAL EDUCATION

Аннотация

В работе рассматриваются вопросы, связанные с возрастанием роли гуманитарно-мировоззренческой компоненты в системе высшего технического образования. Аргументируется важность обращения к проблематике философии техники и показывается специфика этой философской дисциплины. Сложный феномен современной техники требует многостороннего анализа; в связи с этим акцент делается на изменения, вносимые техникой в повседневность. В частности, освещается вопрос о влиянии технической рациональности на самосознание современного человека.

Ключевые слова

ОБРАЗОВАНИЕ, ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРОГРЕСС, РЕАНИМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ.

Abstract

The paper examines the issues associated with the strengthening of the role of humanitarian and ideological components in the complex of higher technical education. The article argues for the importance of the treatment of the problems of the philosophy of technology and shows the specifics of the philosophical discipline. Complex phenomenon of modern technology requires multilateral analysis; in connection with this, the emphasis is on the changes, introduced the technology in everyday life. In particular, highlights the question of the influence of technical rationality on the self-consciousness of the modern person.

Keywords

EDUCATION, PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY, EVERYDAY LIFE, PROGRESS, RESUSCITATION OF THE CULTURAL CONSTANTS.

Оптимизация стратегии высшего технического образования делает вопрос о структуре предназначенного студентам массива знаний необычайно острым и актуальным. Очевидно, что практическая составляющая должна занимать в нем положение «гравитирующего центра»: производственная сфера общества заинтересована в высокой квалификации вливающейся в нее «свежей крови». Но абсолютизировать эту тенденцию не следует; стремление вытеснить все «ненужное» может привести к технократическому требованию редукции образования к грамотному обслуживанию наличной техники. В этом случае поспешное исключение из корпуса необходимых дисциплин всего того, что отвлекает от конкретики социальных запросов, может обернуться дорогостоящими потерями.

Сильным контраргументом против крайностей специализации является акцент на динамическую составляющую образования. По многолетним наблюдениям известного американского исследователя когнитивных процессов В. Ружичайро, там, где «образование развивает в студентах мыслительные способности, студенты оказываются хорошо подготовленными к задачам, возникающим в их личной и профессиональной жизни» [1, с. 8]; в результате общество выигрывает. В эвристике, разрабатывающей приемы активизации творческого мышления, давно отмечена связь между эффективностью мысленных усилий и способностью осознать проблему в широком контексте смежных знаний.

Уникальность философского взгляда на мир заключается в сочетании нелокального и

критического мышления, и это качество делает философию незаменимым спутником творчества. Нелокальность при этом не означает принципиальной отрешенности и беспочвенности результатов умственной работы; напротив, она стимулирует появление свежего взгляда на любую частную проблему и активизирует работу интеллекта в режиме поиска. Философию недаром называют культурой ума; последовательное обращение к основаниям вносит в мышление порядок и связность. Следует указать, что еще в начале XX века известный инженер А. Ридлер полагал необходимым включить в образование инженеров философскую составляющую. Многостороннее образование должно научить инженера управлять, т. е. глядеть вперед и своевременно выяснять задачи, выдвигаемые современностью и будущим, а не двигаться путем подтягивания и толчков.

Названные соображения помогают оценить роль философии техники в профессиональном становлении современного инженера. Этот раздел философии привлекателен для представителей технической интеллигенции, стремящихся обдумать мировоззренческие основания своей деятельности. Философский вопрос «что такое техника?» ведет к углублению привычных смыслов, к пониманию включенности техники в многообразие культуры и вплотную подводит к древней тайне человеческой природы. Это значит, что гуманистическая мотивация в сознании специалиста может стать серьезным противовесом прагматическому «прямодействию». Экспертиза проектов может в этом случае получить дополнительные критерии в рамках самой инженерной корпорации. Такой ход событий, безусловно, желателен: он соответствует пока что слабо артикулированным, но вполне реальным ожиданиям общества.

Следует, впрочем, внести ясность в отношения между философией техники и общей теорией техники. Речь идет о кардинально различных способах познания технической реальности. Философскую мысль традиционно питает напряжение между двумя полюсами: субъектом и объектом, человеком и миром. Философию техники можно понять как взгляд на мир сквозь призму техники: ее предметом выступает отношение человека к технизированному миру. В отличие от техникведения она исследует феномен техники в максимально

возможной целостности, уделяя особое внимание процессам взаимодействия с субъектом ее создания и использования.

Техника является важнейшей характеристикой положения человека в космосе. Связь человека и техники неразрывна и необратима, и для описания положения современного человечества на оси истории нередко используется термин «гиперцивилизация». Исключительную важность проблематике философии техники сообщает экзистенциальный, жгуче-жизненный вопрос, пронизывающий всю совокупность сопряженных с технической реальностью смыслов. Это вопрос о будущем человечества: состоится ли это будущее и сохранится ли в этом случае человечество? Техника превратилась в силу, создающую историю, и поэтому она не может быть обойдена вниманием со стороны философской мысли.

Философский анализ феномена нуждается в повышенной тонкости при обобщении наблюдений. Мир техники, предстающий в качестве множества механизмов и аппаратов, к этому множеству сведен быть не может. Отдельное техническое изделие можно продемонстрировать, но технику как таковую, как некоторый интеграл от вкрапления технического в повседневность, предъявить невозможно. Сложно оценить и ее воздействие на отдельные подсистемы большой социальной системы; германский философ Х. Ленк утверждает, что однофакторная теория техники и ее взаимосвязей с другими жизненными сферами несостоятельна.

Техника с ее несокрушимой, «железной» поступью воплощает протест человека против его собственной природной слабости. Сейчас уже невозможно отрицать благотворную роль научно-технического прогресса: в прошлые эпохи жизнь была короткой и суровой. Однако современный человек балансирует между отчаянием и надеждой: над человечеством нависла тень возможных технокатастроф. Известный американский философ Х. Сколимовский видит задачу философии техники в том, чтобы помочь человеку осознать опасность исторического тупика, вызванного тем, что для разговора с природой был избран ложный язык.

Наряду с тревожной экологической ситуацией имеет место и другая угроза – менее очевидная, но не менее опасная. Тот же Сколи-

мовский называет технику «состоянием западного сознания» [2, с. 246]: в развитых странах она становится уже не только физической, но и ментальной опорой человека. Техника изменяет жизненный мир человека, поле его первичного опыта; измененная реальность оказывает возвратное воздействие на человека с такой интенсивностью, что под вопросом оказывается сохранение человеческой идентичности. Так рождаются тревожные размышления об «экологии человека». Угроза носит антропологический характер, и ее симптомы свидетельствуют о какой-то важной потере, чреватой началом вырождения.

Так, приемы обращения с аппаратами переносятся на межчеловеческое общение, которое постепенно становится «коммуникационной техникой». Мышление становится операциональным, исчисляющим и командным, и тем самым субъект отчуждается от своих глубин. Изменения опережают их осмысление, и человек эпохи гиперцивилизации ведет странную жизнь: он овладевает, не обдумывая. М. Хайдеггер в связи с этим пронизательно заметил, что «человек Нового Времени впредь находится в принципиально новом отношении к бытию, и при этом он ничего об этом не знает» [3, с. 145]. В итоге возникает эффект самонепонимания, и часто уверенность современного человека маскирует его растерянность, от которой он стремится скрыться. Цельность расщепленный человек может вновь обрести только путем возвращения к вдумчивому, философскому взгляду на действительность.

Популярная в философской литературе трактовка техники как продолжения человека указывает на близость философии техники к философской антропологии. Эта точка зрения вызывает некоторое недоумение у сторонников естественно-научного подхода к технике, склонных видеть в технике в первую очередь продукт прикладной науки. Однако философия техники ставит вопрос о специфике технических наук, но не сводится к этому вопросу и потому не может считаться частным случаем эпистемологии (философии науки).

Безусловно, мир техники обладает рациональной структурой и пронизан рациональными стандартами; высшей же формой рациональности, ее эталоном выступает наука. Однако теоретический образ техники не со-

впадает с самим феноменом, который не может быть понят без учета волевой и властной мотивации его творца. Технике свойственна процессуальность, через которую в нее проникают иррациональные силы, идущие из глубины человеческой природы. Так рождается важный смысловой сдвиг: в технике рациональность понимается иначе, чем в науке — уже не как логическая строгость («максимум доказуемости»), а как требование к технической системе быть максимально эффективной и в минимальной степени нести черты неопределенности.

Линия связи техники с корпусом научного знания «огибает» фундаментальные науки, благодаря которым становится возможным организовать и преобразить реальность. Прямой выход техника имеет на прикладные науки; их задачей является адаптация фундаментального знания к конкретным вызовам жизни. Поэтому технические науки правомерно определить как прикладные науки естественного цикла. Знаком эпохи можно считать стремительную технизацию прикладных наук гуманитарного цикла, перенимающих инструментальный стиль мышления и «вооружающихся» соответствующей методологией. Объяснение динамики фундаментального знания неизбежно требует «интерналистского» круга понятий: их движение обусловлено логикой расширяющегося знания, наличием в ней неясностей и противоречий. Развитие технических наук описывается «экстерналистскими» моделями: важнейшим стимулом здесь выступают запросы со стороны общественных институтов.

Стремление к нахождению общего знаменателя в этих разнородных сферах «научного космоса» привело к парадоксальному взгляду на науку как на «теоретическую технику». Эта точка зрения характерна для инструментализма — влиятельного направления в американской философии науки. Действительно, если целью естественных наук является подготовка прямых инструкций к преобразованию природы, то тогда их можно оценивать по техническим критериям востребованности и эффективности. Согласиться с этим можно, лишь отказавшись от опоры на истину как на нормативный идеал научного поиска. Именно таков ход мысли классика этого направления Дж. Дьюи; он пытался ограничиться понятием «гарантируемой подтверждаемости». В этой

системе взглядов научные понятия предстают всего лишь орудиями для обработки сырого материала впечатлений. В то время как классическая традиция закрепляет за научной теорией функцию объяснения происходящего в мире, инструментализм, напротив, говорит лишь о некотором рассеянии неопределенности. Так рушится стройная система научных ценностей. Ситуация представляется весьма показательной: налицо мировоззренческий вызов, демонстрирующий необходимость поставить предел бездумной экспансии технического стиля мышления.

Меняется жизнь, меняемся вслед за ней и мы... Это суждение тривиально, но его тривиальность лукава. Так, использование такого аргумента для оправдания отступления от взятых нашими предшественниками культурных высот представляет собой откровенное прикрытие конформистской установки. Прогресс может иметь нравственное оправдание лишь в том случае, если он способствует возрастанию человечности. Вспомнив знаменитую формулировку Гегеля, можно констатировать, что отсутствие прогресса в сознании свободы есть знак приближающейся беды, исторического крушения. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», — эта мысль поэта А. Вознесенского представляется бесспорной. Поэтому бездумное упование на позитивный характер перемен имеет иррациональную природу. Дело в том, что процесс насыщения жизни техническими новациями принял характер неизбежного и бесповоротного движения, и потому для достижения безмятежности благоразумнее считать эту неизбежность благом.

Меняется не столько рисунок на ткани повседневной жизни, сколько сама эта ткань.

Философия техники оценивает ситуацию под «антропологическим» углом: банальное повседневное использование технических предметов ведет к весьма значительным следствиям внутри человеческого бытия. И если это бытие потеряет смысл, то потеря может остаться незамеченной: имитацией смысла станет поддержка собственных средств технической поддержки. Намеренно утрируя опасные варианты исторических сценариев, Г. Андерс еще в 1970-х годах предупредил, что у «современного Прометея» есть шанс превратиться в дворцового карлика своего собственного машинного парка. Эта угроза требует ответного напряжения сущностных сил и может быть устранена лишь при повышении «градуса осознанности».

Действительно, сущность субъекта скрыта в нем самом. Это свободное самоопределение, и оно образует содержание субъектности, которое следует искать не столько в переживаниях бытия, сколько в обретенных в ходе этих переживаний ценностях. Автоматизированная жизненная среда властно требует «неавтоматического» к ней отношения; в противном случае наплыв ценностей низшего уровня грозит деградацией поступка до уровня простой реакции на стимулы и рекламные зазывания. Следствием станет неизбежное сужение пространства свободы, низведение ее до неприглядных хаотических протестных порывов. Поэтому гуманистическая функция философии техники не может не выразиться в призыве к реанимации культурных констант. Лаконичное определение культуры представляет ее как «мир воплощенных ценностей»; современность вносит поправку: ценностей высшего уровня, возвращающих человеку его вечное и незыблемое достоинство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ружиэйро, В. Мышление. Пятнадцать уроков для начинающих авторов [Текст] / В. Ружиэйро. — М., 2006.
2. Философия техники как философия человека [Текст] // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.

3. Хайдеггер, М. Семинар в Ле Торе. 1969 [Текст] / М. Хайдеггер // Вопросы философии. — 1993. — № 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КОЗЫРЕВ Дмитрий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-87-01 (кафедра)

dnk72@yandex.ru

KOZYREV Dmitriy N. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

dnk72@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013